

ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА В ПОЗДНЕИМПЕРСКИХ И РАНЕСОВЕТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНТОНА СОРОКИНА

Д.Н. Дюсенкенов

Ключевые слова: русский ориентализм, казахи-кочевники, «дети степи», цивилизация, советская модернизация.

Keywords: Russian orientalism, Kazakh nomads, «children of the steppe», civilization, Soviet modernization.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-11

Имагология казахов в позднеимперский и раннесоветский периоды формировалась под влиянием устоявшихся стереотипных образов предыдущих эпох в дискурсе русского ориентализма. В указанное время экзотичная казахская тематика внутреннего «Другого» в русской литературе оставалась *terra incognita*, или «загадкой в себе», поэтому еще пользовалась популярностью среди читателей. Характерными признаками в описании становятся широкое использование этнографического материала, казахских мифов, оборотов речи и реалии.

Антон Сорокин (1884–1928) свой авторский миф тесно связывал с казахами-кочевниками. Исследователи причисляют его к типу «евразийцев» наряду с Г.Д. Гребенщиковым и П. Васильевым [Хомяков, 2012, с. 358]. Так, например, упоминание о неких казахах братьях Байсун, от которых он якобы получил в качестве премии табун лошадей, а себя репрезентировал пионером «туземного» края: *Моя заслуга в том, что 25 лет работал я в Сибири, первый создал художественную литературу и показал русскому читателю душу казахского народа, в таком же духе, как это сделал Джек Лондон с жителями тихоокеанских островов* (с. 137)¹⁰. Будучи уроженцем Павлодара, А. Сорокин владел казахским языком и хорошо знал жизнь и быт казахов-кочевников.

Но, по всей видимости, при выборе казахской тематики автором двигателя не только любовь к обездоленным кочевникам. Главной целью произведений А. Сорокина стало разоблачение империи как капиталистического общества, где необходимо было «поставить вопрос о разрушающем региональную и национальную идентичность (природное начало) влиянии цивилизации» [Шастина, 2015, с. 404], а казахи-кочев-

¹⁰ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на страницы издания: Сорокин А. Голос Степного края. Омск, 2014.

ники стали прекрасным инструментом репрезентации ее пороков. Избрав для себя главной темой власть денег над людьми, символом которого в произведениях становится золото, прекрасно зная жизнь и быт казахов-кочевников, не мог оставить без внимания маргинализацию последних с приходом в степь колониальных отношений:

И вы не слушали, и вы не понимали, и вы не чувствовали, и вину свою не сознавали. Перед каждым сыном степи каждый из вас в неплатном долгу, и долг этот не заплатить деньгами. Не к вам пришли, по вашему мнению, дикари, к дикарям-хозяевам вы пришли, к вольным сынам степей, вы ехали дни и ночи на железных дорогах, вы навезли машины и понастроили дома, тесноту привезли и хозяев стеснили, так теперь не смейте смеяться и чувствуйте вину свою. <...> Но если бы вы все были культурны настолько, насколько каждый думает о своей культурности, то не исчезла бы старая Сибирь, и не нужно было бы нашу культуру строить на костях и могилах обреченных народов... (с. 54–55).

Таким образом, изображение тяжелой жизни казахов-кочевников стало для автора способом саморепрезентации, художественным приемом борьбы против «господ ташкентцев», потребительского общества, капитализма империи и разоблачения культа денег. Писатель прекрасно сознавал плюсы и минусы своего провинциального происхождения, поэтому виртуозно использовал свою связь с колонией, описывая ее угнетенное состояние и административное насилие над автохтонами, тем самым показывая все пороки империи.

Условно его антиколониальные произведения, посвященные казахам-кочевникам, можно разделить на два периода: позднемперский и раннесоветский. В дореволюционный период автор, подобно дихотомии «Европа — Азия», противопоставляет Город и Степь. Город ассоциируется с империей, «цивилизаторской миссией», с разрушающим воздействием капитала, а Степь — с первозданностью, естественностью, «не знающей грязи жизни».

Так, например, в своих рассказах «Непонятная песня» (1911), «Страшный танец кутерме» (1913), «Не пойте своих песен» (1915), «Песня Джеменей» (1922) автор поднимает проблемы маргинализации культуры казахов-кочевников, которая остается «чужой» и ненужной для русских колонизаторов. В произведениях позднеимперского периода, например в рассказе «Непонятная песня» (1911), автор умело встраивает в сюжеты ориенталистские детали, ставшие уже хорошо узнаваемыми: *На Первой Западно-Сибирской выставке в Омске, недалеко от красиво выстроенных навильонов, стояли юрты киргиз. Немногие за-*

ходили посмотреть эти юрты. Иногда из одной юрты выходил молодой киргиз с балалайкой, садился возле юрты и пел. Собирались киргизы из других юрт вокруг певца, а иногда подходили посетители выставки и, послушав две-три минуты непонятную, монотонную, заунывную песню, шли дальше (с. 14).

В этом коротком отрывке мы видим описание «других» подданных империи, ставших популярным «человеческим зоопарком», экзотичную жизнь которых можно показать на выставке [Савицкий, 2020]. Автор намеренно с пренебрежением называет музыкальный инструмент вместо домбры балалайкой, тем самым показывая, что для представителя европейской России «непонятная» и незначительная (с европейской точки зрения) культура номадов, кроме них самих, на самом деле никому не нужна.

Причину материального обнищания казахов, в отличие от других писателей, он видит не только в переселенческой политике, но и в том, что они выбрали для себя материальные блага и «медали из золота» на службе у империи и капитализма. Причиной духовного обнищания становится приобщение к «русской цивилизации». Автор скептически относится к «цивилизаторской миссии» по отношению к кочевникам, считая эпоху «модерна» позднеимперского периода губительной для самобытной культуры номадов:

Ах, если бы знали, что не нужно золото киргизам, не нужны самовары, ситец, чай, сахар и спички. Было время, жили без этого. Вот вы привезли товары, выстроили красивые дома... Страшно вертятся машины, и видел я чудо: со стоном летала машина с человеком. Но проклятие дикаря, искреннее, страшное проклятие шлю вашей жизни и городу... (с. 16).

В данном случае позиция автора становится противоположной упомянутым нами выше имперским традициям, когда положительной оценкой пользовались персонажи-казахи, сотрудничающие с империей и демонстрирующие пограничный тип сознания. По мнению автора, даже «европейское образование» губительно влияет на «туземцев», все дальше отделяя их от своих соплеменников, превращая их в «блудных сынов» и слуг имперского капитализма:

И расскажу я его жизнь: сидит он целый день в душной комнате, считает на счетах деньги, которых не видел и в руках не держал, и записывает в большие книги. А вечером идет по улицам большого города домой и обедает, а потом идет в гости, пьет вино и играет в карты. А потом, шатаясь из стороны в сторону, ночью приходит. Жены нет дома... И ложится он один в холодную постель, а когда поют петухи, приходит жена. Как султаншу, провожают ее три-четыре мужчины (с. 30).

По мнению автора, эпоха просвещения, которую переживали казахи на рубеже веков, губительна, поскольку осуществляется имперской властью, заставляя кочевников отказаться от национальной самобытности в угоду мимикрии под европейские стандарты, превращая их в «блудных сынов» или манкуртов: *А ты, сын мой... Даже запах родины не доходит до сердца, покрытого пылью с улиц великого города. Кто ты, страшное чудовище?* (с. 36). Мотив «блудного сына» прослеживается также в рассказах: «Непонятная песня» (1911); «Запах родины, или Дар степи — трава джусан» (1913); «Последний бакса Итар» (1914); «О чем плакал Кинжетай» (1915).

Город, несмотря на его цивилизационное превосходство, олицетворяет собой зло и потребительские отношения: *...но глубоко и твердо укрепились города-язвы и все растут и растут, покрывают тело земли, и копошатся в них люди, как черви, и пожирают жизнь животных* (с. 44). Его обитатели пресыщены жизнью, озабочены лишь наживой денег и, несмотря на просвещенность, духовно ущербны: *Не так-то легко развеселить людей, желудки которых переполнены вкусной пищей и разум полон похотливыми желаниями* (с. 37).

Степь, напротив, несмотря на ее цивилизационную отсталость, идеальное место, которое сохранило свою первозданность. Ее обитатели духовно превосходят горожан, хотя остаются в их глазах дикарями. В духе ориенталистских субъектно-объектных отношений оценивается мировоззрение «иных». В его произведениях находит продолжение стереотипная идея о «детях степи», которые наивны, духовно чисты, близки к природе, у которых совсем другие представления о радостях жизни: *радовался радостью Бесекей, которую не знают в городах, и думал Бесекей, что проживет всю жизнь: скотина, слава богу, есть — чего надо? дочь маленькая есть — чего надо? сын Тайгубай есть, такой же, как Бесекей, глаза и нос и рот такие же, голос такой же и такие же песни поет, также играет и на балалайке и смешно ездит на лошадях* (с. 59). В этом противопоставлении, продолжая романтическую традицию, автор явно идеализирует Степь и ее обитателей.

Таким образом, в дореволюционных произведениях А. Сорокин считает проникновение капитализма в Россию негативным фактором. В качестве примера он приводит казахские степи с идеей цивилизаторской миссии к «детям степи». При этом у автора тесно переплетаются идеи гуманизма с идеями русского ориентализма. Основной проблемой произведений становится тема духовного обнищания русского человека вследствие влияния на него европейских капиталистических идей. Сопутствующие при этом качества, такие как алчность, пре-

сыщенность, заставляют империю ввязываться в мировые войны, захватывая и поработав все новые земли и народы. При этом техническое преимущество дает ей право репрезентировать их как цивилизационно отсталых. В итоге у А. Сорокина противопоставляются Город как символ сосредоточения капитала, индустриализации, техники и Степь как символ первозданности, духовной чистоты, приближенности к природе. Соответственно, «дети степи» окрашиваются в романтизированные краски наивности, духовной чистоты, тонко чувствующими природу, в отличие от испорченных капитализмом и технологическим превосходством «людей города». В таком сравнении образы «иных», но хорошо знакомых автору образов казахов используются в качестве контраста с целью демонстрации духовного обнищания русского человека на рубеже веков.

Нарратив советской модернизации маргинальных казахов-кочевников раскрывается в таких рассказах А. Сорокина, как «Песня о живом кургане Азах» (1927), «Что знает только Аделькан о Ленине» (1927), «Жизнь, данная Октябрем» (1927), «Джайкайдар» (1927); где выстраивается образ благодарных революции «инородцев», как освобождение их от косности традиции, пережитков прошлого и имперского насилия. Примечательно, что после октябрьских событий меняется образ «советского города», который теперь символизирует модернизацию и просвещение *«и там, где были волчьи ямы, вы, новые, свободные, познавшие учение казахи, выстроите бетонные казахские города»* (с. 137): уже нет оппозиции Города и Степи. Нет прежнего восхищения первозданностью и патриархальностью Степи. Теперь все это воспринимается как признак отсталости и невежества. Меняется отношение к просвещению: если раньше, по мнению автора, «имперское образование» делало из казахов «блудных сынов» и манкуртов, то теперь они должны быть благодарны образованию большевиков, научивших их читать и писать, давших «свободу женщинам Востока».

Таким образом, в новых реалиях раннесоветского периода образы казахов и Степи так и не смогли избавиться от стереотипа экзотики Востока, от парадигмы «свой — чужой» и все еще рассматривались как полигон для апробации «цивилизаторской миссии», где автор отводит себе роль «просвещенного европейца»:

О строительстве новой жизни у инородцев я хочу рассказать. Если Джек Лондон умел заинтересовать читателей описанием вымирающих тихоокеанских дикарей, не более ли благодарная тема о строительстве жизни обреченных когда-то на смерть? (с. 137). После рево-

люции, с приходом новой власти и идеологии, меняется и принцип изображения казахов и Степи, все больше превалирует «советский нарратив» как избавитель инородцев от колониальной империи.

Художественный мир А. Сорокина построен по принципу бинарной модели «было плохо — стало хорошо». При этом европоцентристские инструменты изображения казахов-кочевников — синтез романтизма и русского ориентализма, разработанные в имперский период, — остались без изменения. Казахи в произведениях, по сути, остались теми же экзотичными дикарями, пострадавшими от имперского колониального гнета и гражданской войны, которых еще предстоит цивилизовать. После кровавых событий начала XX века, мы уже не видим в произведениях А. Сорокина отрицательных персонажей, способных к сопротивлению или экстремизму, — в основном это положительные герои, восхваляющие «новый режим». Например, в рассказе «Что знает только Аделькан о Ленине» (1927) автор репрезентирует себя агитатором коммунизма среди инородцев. Главный герой рассказа — неграмотный певец, который воспеваает Ленина как мифическое существо, при этом ему, в отличие от автора, удалось лучше объяснить сородичам, что такое «коммунизм».

Таким образом, автор проводит идею о необходимости использования инородцев в качестве агитаторов коммунизма на окраинах. В рассказе «Песня о живом кургане Азах» (1927) он повествует о том, как в эпоху строительства коммунизма казахи-кочевники строят курган Ленину, который освободил женщин Востока. Новые казахские герои пока не участвуют в строительстве новых городов, им как полудиким аборигенам отводится только роль строителей курганов новому режиму. Появляются новые образы казахов: «освобожденная» брутальная казашка *редактор — энергичная женщина с золотым зубом — мужским голосом говорит: «Успех нашего журнала «Свободная женщина» небывалый»* (с. 87); пастух Джайкайдар, который говорит, что теперь не верит ни в Аллаха, ни в шариат, тем самым теряя свою национальную идентичность.

Библиографический список

Абашин С. Н. Советское=колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии : Альманах Штаба № 2. Бишкек, 2016.

Алексеев П.В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому. Томск, 2015.

Жданов С.С. Образы немецкой военной элиты в русской словесности конца XVIII — начала XX века // Филология и человек. 2020. № 3.

Савицкий Е. Как купец Калинин в Вене в 1882 году самоедов показывал: покорность и сопротивление «все равно что животных» // Новое литературное обозрение. 2020. №1.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

Шастина Т.П. Творение мира и смерть богов в мотивном комплексе повести Антона Сорокина «Алтай и города» // Мир науки, культуры, образования. Вып. 2. Горно-Алтайск, 2015.

Хомяков В.А. «Киргизская» тема в прозе А. Сорокина // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Вып. 2. 2015.

Хомяков В.А. Евразийское начало в творчестве А. Сорокина // Культурное наследие Северной Евразии: проблемы и перспективы освоения : материалы Междунар. науч. конф. Якутск, 2012.

Источник

Сорокин А. Голос Степного края. Омск, 2014.

References

Abashin S. N. *Sovetskoe=kolonial'noe? (Za i protiv)* [Soviet=colonial? (Pros and cons)]. In: *Ponjatija o sovetskom v Central'noj Azii Al'manah Shtaba № 2* [Concepts of the Soviet in Central Asia]. Bishkek, 2016.

Alekseev P.V. *Kontseptosfera oriyental'nogo diskursa v russkoy literature pervoy poloviny XIX v.: ot A.S. Pushkina k F.M. Dostoyevskomu* [The conceptual sphere of oriental discourse in Russian literature of the first half of the 19th century: from A.S. Pushkin to F.M. Dostoevsky]. Tomsk, 2015.

Zhdanov S.S. *Obrazy nemeckoj voennoj jelity v russkoj slovesnosti konca XVIII — nachala XX veka* [Images of the German military elite in Russian literature of the late XX century]. In: *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2020. No. 3.

Savickij E. *Kak kupec Kalincov v Vene v 1882 godu samoedov pokazывал: pokornost' i soprotivlenie «vse ravno chto zivotnyh»* [As a merchant Kalintov in Vienna in 1882, the Samoyeds showed: obedience and resistance are “like animals”]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2020. No. 1.

Said E. *Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Peterburg, 2006.

Shastina T.P. *Tvoreniye mira i smert' bogov v motivnom komplekse povesti Antona Sorokina “Altaj i goroda”* [Creation of the world and death of the gods in the motivational complex of Anton Sorokin's story “Altai and the Cities”].

In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture, education]. Iss. 2. Gorno-Altaysk, 2015

Homjakov V.A. *Evrazijskoe nachalo v tvorcestve A. Sorokina* [The Eurasian principle in the work of A. Sorokinkin]. In: *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencij "Kul'turnoe nasledie Severnoj Evrazii: problemy i perspektivy osvoenija"* [Proceedings of the International scientific conference "Cultural heritage of Northern Eurasia: problems and prospects of development"]. Jakutsk, 2012.

Homjakov V.A. *"Kirgizskaja" tema v proze A. Sorokina* ["Kyrgyz" theme in A. Sorokin's prose]. In: *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. Iss. 2. 2015.

List of sources

Sorokin A. *Golos Stepnogo kraja* [Voice of the Steppe region]. Omsk, 2014.